

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА
К. А. МЕЛИК-ОГАНДЖАНИЯ

В 1966 г., в Москве состоялась всесоюзная научная конференция, посвященная проблеме “историзм эпоса” (дискуссии по этой проблеме). На конференцию из Армении был приглашен маститый ученый эпосовед-фольклорист, востоковед и арменовед, впоследствии академик АН Армении К. А. Мелик-Оганджаниян. В это время русский перевод десяти избранных сказов армянского героического эпоса “Сасна црер”, сделанный профессором К. А. Мелик-Оганджанияном, находился в Москве для издания в серии “Эпосы народов СССР”, однако перевод так и не был издан.

По состоянию здоровья ученый не смог лично участвовать на этой конференции, но любезно принял приглашение и послал письменное выступление, посвященное принципам историзма в фольклоре вообще и в армянском народном эпосе “Сасна црер”, в частности, которое было оглашено на конференции и, по свидетельству очевидцев, имело большой успех.

Копия данного выступления хранится в личном архиве ученого в Матенадаране (папка 3, док. 8). Ниже публикуется текст выступления как наглядный показатель аспекта историзма в понимании заслуженного ученого, посвятившего изучению армянского эпоса лучшие годы своей научной жизни.

Текст публикуется без сокращений. Многоточия в тексте авторские. Подстрочные примечания, указанные звездочками, принадлежат К. Мелик-Оганджанияну, а цифрами – автору этих строк.

ՏԱՐԳԻՍ ԱՐՄՅՈՅԱՆ

К. А. МЕЛИК-ОГАНДЖАНИЯН

О ПРИНЦИПАХ ИСТОРИЗМА В ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОРА ПО
МАТЕРИАЛАМ АРМЯНСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА “ДАВИД САСУНЦИ”

По состоянию здоровья я лишен возможности принять участие в работах конференции. В создавшихся условиях я не смогу принять активного участия в дискуссии по сугубо важным проблемам современной фольклористики и лишь ограничусь некоторыми соображениями о тех же вопросах, касающихся изучения и армянского эпоса “Сасна црер” – “Давида Сасунци”, попутно кос-

нужно также и теоретических положений акад. Б. А. Рыбакова и доктора филологических наук В. Я. Проппа¹.

Раз я де-факто принимаю участие в такой весьма компетентной научной конференции, посвященной проблемам историзма фольклора, разрешите мне, старому фольклористу, приветствовать почтенную конференцию, созванную Научным советом по фольклористике при Отделении литературы и языка АН СССР и Институтом русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), и пожелать докладчикам – академику Б. Н. Рыбакову и доктору филологических наук В. Я. Проппу, так и всем принимающим участие в дискуссии, успеха в достижении научно-четкого, всесторонне освещенного, теоретически-обоснованного решения обсуждаемой проблемы.

Успешное научно-теоретическое разрешение этих проблем принесет весьма большую пользу фольклористам, исследователям народной эпической поэзии.

Думается, что в решениях конференции красной нитью должна проходить единая идея, четкая цель – всестороннее изучение эпоса как со стороны исторических реалий, так и в аспекте преломления их в творческой лаборатории сказителя-народа, художественного творца их. В деле изучения исторических реалий большую пользу могут оказать специалисты историки, а со стороны творческого оформления сюжета, развития его, художественной ценности данного произведения изустного творчества и т.д., – главным образом филологи-литературоведы.

Нам хотелось бы на этой конференции коснуться и тех споров, которые, как отголоски некоторого разноязычия в русской фольклористике, просочились и в армянскую фольклористику. Обнаруживается резкое отрицание исторических реалий, при этом подвергали сомнению и те попытки исторического толкования эпических эпизодов, – конечно, в художественном преломлении, – которые полностью совпадали с данными письменных источников. Существует мнение, что “такая попытка связана с неизбежным нагромождением анахронизмов”, поскольку в армянском эпосе – один герой (царь Гагик) жил в X веке, Теодорос Рштуни – в VII веке, третий (Мушег) в IV-VII веках, а четвертый – сын Сенекерима Ассирийского – в VII веке до нашей эры. Выходит “неизбежное нагромождение анахронизмов” – явление, чуждое в области фольклора!

Далее, ученые, пытающиеся дать историческое толкование эпоса, по словам критика, “упускали из вида подлинно историческую ценность эпоса, как

¹ Рыбаков Борис Александрович, знаменитый советский историк-археолог, академик АН СССР. Свои взгляды об историзме былин и других повествовательных жанров он развивал в своем знаменитом труде “Древняя Русь” (М., 1963).

Пропп Владимир Яковлевич, крупнейший русский фольклорист, профессор, доктор филологических наук, большой авторитет в международной фольклористике, особенно в развитии теории по структуре и генезису фольклорных жанров.

документа истории культурной, не гражданской, не политической (?! – К. М.-О.), документа, в котором отражался процесс выработки мировоззрения пра-родителей армян в те неисчислимо отдаленные времена, когда человек впервые стал, борясь за свое существование, делать попытки осмыслить окружающую его природу, примитивно устанавливать взаимосвязанность явлений природы”². Такая гипотеза предполагает армянский народный эпос, взятый целиком во всех ветвях, изначально единым, целостным, а не сложившимся из изолированных друг от друга, самостоятельно бытующих сказаний, которые лишь спустя много веков были объединены в одну цельную эпопею, имеющую своим сюжетом борьбу против поработителей, захватчиков родной страны.

Среди “антиистористов” имеются и попытки отрицания исторической основы эпоса, а также исторических деятелей, послуживших для творцов эпоса прообразом их эпического “художественного” героя. Исследователи этой категории, отрицая какое-бы то ни было участие феодальных слоев средневекового армянского общества в национально-освободительном движении, все приписывают выходцам из народной среды.

С другой стороны [ошибочны], попытки усердных сторонников историзма в эпосе, без обстоятельного исследования психологии народного творчества, без всестороннего изучения сюжета, слагающих его компонентов, композиционного преломления его в эпическом творчестве, без детального анализа изобразительных средств воспроизводства реальной жизни, такое историческое исследование, несомненно, будет страдать однобокостью и даже может служить источником лженаучных построений. Такие “исследователи” часто руководствуются лишь созвучием или внешней “картиной” имен, или схожестью исторического и эпического события. При сопоставлении исторических и эпических имен необходимо, в первую очередь, проанализировать их лингвистически, при этом следует иметь в виду, что фольклорные имена часто являются продуктом народной этимологии, и эти внешние мотивы схожести могут ввести исследователя и его читателя в заблуждение.

Для исторического изучения эпоса необходимо сперва детально исследовать данное эпическое произведение (сказание, былинку, эпос, историческую песню и т.д.), выявить его компоненты, установить, какие мотивы или эпизоды и когда в порядке контаминации присоединились к основному сюжету, какие наслоения имеются в нем и т.д. Все эти наслоения эпизодов, мотивы сильно усложняют работу историка и могут повести его по ложным путям, между тем как они могут разносторонне развить сюжет, придать большее осмысление эпическому образу, глубже передать душевные переживания ге-

² Автор имеет в виду слова академика И. А. Орбели, выраженные во втором параграфе предисловия к сводному тексту юбилейного издания армянского эпоса “Давид Сасунский” (М., 1939) и в последующих изданиях.

роя, весь его внутренний мир, то есть создать полноценный художественный образ героя.

Впрочем, это еще не все. Контаминация и наслоения не являются геологическими пластами, которые при необходимости можно легко отделить. Нет, здесь наблюдается иное явление. Эти “наслоения” часто насквозь пронизывают не только данный раздел, “ветвь” армянского эпоса или, скажем, всю былинку, но и весь эпос, всю эпопею с начала и до самого конца. Здесь уже мы имеем дело с новым качеством, здесь труд литературоведа облегчается, становится более интересным, а разыскания историка сильно усложняются.

Изучение контаминированных мотивов, эпизодов и сложных наслоений имеет особенно важное значение для таких эпических произведений, как армянский народный эпос, сложенный из разнородных сказаний в единый, цельный эпос не индивидуальным автором (Гомер, Фирдоуси и т.д.), а безымянным сказителем или сказителями, самим народом. Подобный анализ “ветвей” – разделов армянского эпоса будет приобщен к готовящемуся для публикации переводу на русский язык основных сказов эпоса.

При изучении всякого эпоса необходимо детально исследовать географическую номенклатуру той страны, где разворачиваются эпические события. Производя такую работу, армянские фольклористы наметили ту область и те районы, где происходили деяния армянских эпических героев. Выяснилось, что поприщем деятельности сасунских цуров-героев является бассейн озера Ван с центрами Тарон и Сасун, а за их пределами – пограничные с Сасуном и Тароном земли Багдадского халифа (Мсрамелика), эпизодически упомянуты названия двух-трех героев, крепостей, стран и т.д. вне Ванского бассейна. Центром деятельности сасунских цуров являются Сасун и Тарон.

После определения территории, где происходили эпические деяния героев эпоса, возникает вполне понятный вопрос; когда и кем совершились эти подвиги? Лаконический вопрос требует обстоятельного ответа. Тут не ограничишься краткими утверждениями, когда дело касается такого объекта, каким является народный героический эпос.

“Сасна црер” – “Давид Сасунци” – подлинный народный героический эпос, в котором нашло свое отражение историческое прошлое армянского народа, его бытие и сознание. В нем еще заметны давно минувшие этапы первобытного родового общества, антагонистические, исключаящие друг друга формы родового общества, элементы бытия и сознания матриархального и патриархального типа социально-экономических и политических отношений классов в эпоху раннего феодализма, а затем более развитого феодального общества.

Исследование вопросов историчности армянского эпоса затрудняется тем обстоятельством, что этот эпос (так и эпосы других народов) с самого начала не представлял собою нечто единое, компактное, композиционно цельное. Армянский эпос состоит из трех изначально самостоятельных эпических

произведений, влившихся в эпос в качестве составных частей его: а) Санасар и Багдасар (Санасар и Адрамелик), б) Мгер Старший и Мгер Младший, первоначально один Мгер и в) Тлор Давид.

Если ветвь “Санасар и Багдасар” генетически восходит к библейской легенде о царе Сенекериме (Синахерибе) и его сыновьях, убивших его и нашедших пристанище в Араратской земле – Армении, то его творческое развитие в устах народа постепенно связалось с армянской эпической и исторической действительностью, переняв из бытовавших в стране мифов и сказаний образы, эпизоды, идеалы, постепенное развитие коллизии и конечную развязку – основание Сасуна (Армении). Нет сомнений, что в постепенном развитии этого сказания немаловажную роль сыграли и мифы об Ара Прекрасном и Шамирам, Араме и Морфилике, Тигране и Аждахаке и т.д.

Если во второй ветви “Сасна црер” – в ветви Мгеров образ главного героя, его подвиги генетически восходят к Митре-Мирху как это интерпретируется почти всеми исследователями армянского эпоса, то эта ветвь, будучи контаминирована и включена в композицию “Сасна црер”, подвергалась некоторой историзации, герои кровно сроднились с главным героем эпоса Давидом Сасунци и законно на правах отца, Мгера Старшего или сына Мгера Младшего, унаследовали не только родовые привилегии, но и героические подвиги их. Ветвь Мгера (Старшего и Младшего, взятые вместе), как в фокусе, вобрала в себя отголоски многих исторических лиц и событий, восходивших ко временам до и после нашей эры, вплоть до непрерывных, “наследственных” войн сасунцев с Мсрамеликом, с алеппскими властителями (X-XIII вв.).

Вышеизложенные данные приводят нас к выводу, что даже в такой, на первый взгляд сугубо мифической, ветви, как ветвь Мгера, отложились не только общеарийские мифологические эпизоды, но и местные армянские мифы и историческая реальность Армении вплоть до XII века.

Самостоятельно бытующие в народе сказания о “Санасаре и Багдасаре” или о Мгерах лишь позднее, в X-XII веках, может быть еще позднее, были включены в композиционный состав “Сасна црер”, образуя в эпосе самостоятельные ветви. Это воссоединение с “Сасна црер” могло произойти и в порядке контаминации, вероятно, в разрезе циклизации по именам действующих героев, или по месту действия, сходных событий и социально-политической жесткой борьбы против чужеземных узурпаторов, захватчиков, агрессоров родной страны – Сасуна. В новых условиях эти самостоятельно бытующие сказания были вновь переработаны сообразно с основными эпическими мотивами и идеологией народного героического эпоса “Давид Сасунци”.

В этой вновь переработанной композиции эпоса “Сасна црер” – “Давида Сасунци” тускнеет географическая и политическая номенклатура Ассирии, ассирийского царя Сенекерима заменяет какой-то царь язычник и т.д., или Ахриман и Дружи, как заклятые враги Мгера – Митры-Михра, отступают, пере-

давая свои функции лютого врага, противника Добра, подлинному, исторически реальному врагу армянского народа – Багдадскому халифу или его преемнику Мсрамелику и исполнителям их велений...

Мгер унаследовал многие черты образа своих предшественников Артавазда, Лусаворича и других героев.

Остовом или осью композиции героического народного эпоса “Сасна црер” является эпическая ветвь о Давиде и его подвигах. Все остальное после творческой переработки лишь побочные ветви, дополняющие ее. В основе этой же ветви конденсирована социально-политическая и идеологическая сущность всего эпоса – вековая борьба Сасуна (Армении) против деспотии захватчиков родной земли и достоинства народа, против Багдадского халифа, Мсрамелика, иными словами, против арабской агрессии. Эта борьба длилась в истории армянского народа с 40-х годов VII столетия вплоть до XI века. Неоднократно повторявшиеся многочисленные героические эпизоды этой многовековой борьбы, подвергаясь конденсации, ярко отображены в армянском эпосе как единый цельный сюжет, при этом завязкой последующих кровавых событий до конечного торжества является сбор дани халифскими посланцами, бесчинства их, издевательство, разрушение святынь народа, вызвавшее избиение сборщиков дани, война и единоборство Давида с Мсрамеликом (Багдадским халифом) и окончательная победа, освобождение родного края от захватчиков.

Этот остов народного эпоса оброс многочисленными и разнообразными эпическими сюжетами и эпизодами, перенятым из мира отечественного и зарубежного фольклора. Родное, свое и чужое так искусно переплелись, столь изумительно слились, создав качественно новый эпизод, что часто трудно бывает отделить свое местное, родное – от пришлого, чужого.

Эти напластования необходимо детально исследовать, по возможности отделить их от основного, чтобы создать условия для изучения и уточнения историчности эпоса, исторических событий и людей, отображенных в нем, а также, чтобы установить, когда и как в течение веков трудовой народ, его сказители создали этот великолепный изустный памятник армянской духовной культуры.

Историческое уточнение эпических эпизодов, отождествление эпических событий с историческими обогащают, повышают его удельный вес, художественную значимость его, делают его национальным эпосом. Если эпос лишен исторической основы, если в нем не отражено историческое прошлое данного народа, его бытие и сознание, его нравственный облик, мысли, чаяния и надежды, весь его внутренний мир со всеми нюансами, то это не эпос, а лишь фантастическая или бытовая сказка, коих весьма много в фольклоре народов.

Сравнение событий и людей в реальной истории и в народном эпосе, уточнение и отождествление их не следует понимать в буквальном смысле, с фо-

тографической точностью, не следует считать одно копией другого. Эпический образ не является подлинным воспроизведением исторического лица; эпический эпизод не натуралистическая съемка исторического события. Тбк воспринимать художественное произведение эпического жанра (роман, новеллу, повесть, рассказ и т. д.), тбк понимать народный изустный эпос, значит не иметь ясного представления о творческом процессе создания его, в частности, о смысле, содержании, специфических особенностях сложения народного эпоса. Народ-сказитель, избрав для своего “произведения” из реальной жизни тот или иной объект (событие и вершителя его), “месит” его, “разминает”, “готовит тесто” в своей творческой лаборатории, “печет” – создает соответственно социально-экономическим условиям, психологии и мышлению, вкусу и представлениям данной среды. Это уже не фотоснимок старого объекта, а новое, великолепное, разностороннее и многогранное, содержательное произведение, созданное по образу и подобию своего творца – народа.

Вышеизложенное понимание условий и средств создания армянского народного эпоса “Сасна црер” настоятельно требует уточнения социально-политической обстановки и сопоставления данных истории и отображения их в эпосе.

Перейдем теперь к рассмотрению армянского эпоса в аспекте исторических событий и политических деятелей, участников этих событий, при этом обратим наше внимание на эпическое отражение исторической деятельности не всех, а лишь главных и, в первую очередь, полководцев с именем Мушег, Кери Тороса-Теодороса, Дзенов Ована-Огана и Давида. Остальные герои эпоса нами рассмотрены в комментариях нашего перевода сказов эпоса на русский язык³.

Исходя из содержания нашего эпоса, следует признать, что героические подвиги сасунских цуров совершились не ранее и не позднее арабского владычества, ибо на армянскую страну нападали не традиционные враги армянского народа, цари царей Сасаниды, хотя в двух трех сказах мельком упоминаются царь царей Шапух (IV век) и армянский царь Пап (IV век), и не римские и византийские агрессоры-императоры, а татчики (арабы), по приказу арабских халифов и их преемников Мсрамеликов, а затем возникшие на их территории разные эмираты. Весьма характерно, что в эпосе не упоминаются татары-монголы, нанесшие армянской стране в середине XIII века столь тяжкие удары, что страна долгое время не в состоянии была оправиться. Если включим эти исторические события (завоевание армянской страны Багдадским халифатом, Мсрамеликами, а позднее эмиратами) в хронологические

³ См.: Армянский народный эпос Сасунские удальцы, избранные варианты, перевод текстов, составление и словарь-комментарии академика НАН РА К. Мелик-Оганджяна. Ереван, 2004, с. 303-346.

рамки, то можем весьма определенно сказать, что в “Сасна црер” мифологически и эпически воспроизведены исторические события со второй половины VII века по конец первой половины XIII века.

Посмотрим, какие же события и лица этого периода вошли в народный армянский эпос.

С 40-х годов VII века арабы начинают свою агрессию на Армению. В этот период среди армянских нахараров играл руководящую роль полководец князь Теодорос Рштуни, неоднократно выступавший в союзе с византийцами против арабских войск. Однако вскоре, поняв агрессивные намерения византийского двора в отношении Армении, он вынужден был заключить союз с арабским халифатом на весьма льготных условиях для родной страны. Он пользовался большим весом и доверием при дворе халифа, а потом развернул кипучую деятельность по линии строительства и укрепления боеспособности страны: то тут, то там он обновляет крепостные стены, то возводит новые... Армянские исторические письменные памятники весьма лестно отзываются о нем и его кипучей деятельности.

Деятельность талантливого полководца Теодороса Рштуни, правителя армянской земли, не могла не отразиться в изустном творчестве армянского народа. Под каким же именем полководец князь Теодорос Рштуни отображен в “Сасна црер”? В армянском народном эпосе имеется несколько разновидностей этого имени: Тевадорос, Тева-Торос, Кери (дядя, брат матери), Торос и Торосик. Первая часть имени Тевадорос – Тева соответствует греческому Тео, что в народном произношении звучит тево. Тева воспринимается в сказках и в смысле “тев” или “тевов” – “крыло – крылатый”, то есть крылатый Торос (превосходный пример народной этимологии). Почему же Торос-Теодорос назван Тевадоросом или Тева-Торосом? Да потому, что он нигде не усидит. Санасар едет к Тева-Торосу в Маназкерт, ему говорят: “Заложил он основание крепости и уехал в Ван”. Санасар за ним едет в Ван, а тут ему говорят: “Заложил он основание крепости и уехал в Арзрум”, а оттуда в Карс, отсюда снова в Маназкерт и т.д.

Кери Торос пользуется весьма большим авторитетом как у себя, у цуров, так и у врагов Багдадского халифа и Мсрамелика, и у соседей. Он возглавляет поход цуров против Мсрамелика, напавшего на Сасун, и на помощь Мгеру, брошенному в глубокую яму. По многим сказам Кери Торос возвращает на родину взятых Мсрамеликом в плен детей Мгера Старшего. В их числе и младенца Давида. По его настоянию Мгер Младший едет в Сасун, и они вместе мстят за Давида и т.д.

Это сопоставление можно продолжить, но, кажется, достаточно и сказанного, чтобы убедиться в том, что отголоски образа и деятельности талантливого полководца Теодороса Рштуни отображены в образе и деятельности Кери Тороса в народном эпосе “Сасна црер”.

Исторический Теодорос Рштуни умер в 659 году. Власть полководца и князя армянской земли снова перешла к наследственным спарапетам-полководцам Армении, к нахарарскому роду Мамиконянов, с которыми Теодорос Рштуни породнился, выдав дочь свою за Амазаспа Мамиконяна. Мамиконяны несколько раз поднимали восстание против налоговой политики и сбора дани арабами. Из них особенно пользуется известностью восстание Мушега, сына Храхата Мамиконяна. Нахарарскому роду Мамиконянов, помимо крупнейших владений в области Тайк, принадлежала вся область Тарона с городом и крепостью Муш и Охакан и районами Сасун и Хойт. По всей вероятности, этот исторический полководец Мушег отображен в эпическом сказании, повествуемом арабским историком эл-Вакеди о “Деве Тарун (Тарон) и князе Муш(еге)”, сыне Санасара, князя Сасуна, он же, видимо, Мушег, царь Муша (“Сасна црер”, т. II, ск. II, с. 51) и князь Мушег Сасуни по эпическому фрагменту (см. наш перевод), сын Тороса, сестра которого по имени Гоар была замужем за Мгером (Старшим) и родила Давида.

Вышеприведенные данные говорят о том, как в порядке циклизации по имени Мушег преемственно связаны деяния разных по времени полководцев Мушегов, начиная со спарапета Мушега (“Персидская война”, IV век), князя Мушега (“Таронская война”, V-VII века), Муш(еге), сына сасунского князя Санасара, VII век (по эл-Вакеди), сасунского князя Мушега, сына Тороса (VII век) (по фрагменту), наконец, Мушского царя Мушега (“Сасна црер”). По эпосу Мгер Старший женился на Гоар ханум, дочери Маназкертского царя Кери Тороса (см. сказ Тамо Давтяна) или Гоар, сестре Тороса от которых родился Давид (по фрагменту). Все это крепкими узами связывает наш древний эпос с “Сасна црер”, а образ Мушега в новых политических условиях и новой политической обстановке передается Давиду, благодаря новым перемещениям в среде господствовавшей в то время прослойки средневекового армянского общества.

С конца VIII столетия в социально-политической жизни Армении довольно повышается удельный вес нахарарского рода Багратуни и, напротив, сильно понижается удельный вес Мамиконянов, долгое время, правда, с перерывами, игравших доминирующую роль в стране. Такая участь постигла их благодаря превратному пониманию политической ситуации и неудачному выбору политической ориентации, тяготению к Византии. Противодействие арабам, восстания, неоднократные поражения подорвали их авторитет в стране. Мамиконяны в большинстве эмигрировали в Византию, на Балканы, в Грузию, а их владения в Тароне, включая Сасун и Хойт, заняли князья Багратуни, облеченные весьма большой властью в “Армянской стране”.

Князья Багратуни, тонкие и весьма осторожные политики, сумели снискать к себе благосклонное отношение Багдадских халифов, мирно управлять “Армянской страной” и завоевать доверие воинственных горцев Сасуна. Прав-

да, “Армянская страна”, управляемая “князем Армении”, как величали арабы правителя Южной Армении князя Багарата Багратуни, на некоторое время избавилась от необходимости оружием защищать родные края от набегов арабских вооруженных отрядов и кочевых племен и занялась мирным хозяйством и строительством, однако, податная система Аббасидов постепенно выжимала все соки народа, выколачивала все достоинства его. Недовольство в народе все росло и вылилось в бурное восстание.

Какое же событие послужило поводом для народного восстания?

Халиф Джаффар Мутаваккиль (847-861) требует подати от Багарата Багратуни, князя Тарона и Сасуна, “возглавлявшего армянских князей” (Т. Арцруни) или “полководца и князя князей Армении”, (Иоаннес католикос). Командирванный с этой целью эмир Абусет (по арабским источникам Абу-Саид) потерпел неудачу. Его заменил Мусэ, сын Зораха, владетель Арзна (по арабским источникам Муса ибн Зурара), являвшийся по Т. Арцруни и арабским источникам, зятем – мужем дочери Багарата Багратуни. Он вздумал силой оружия выполнить приказ халифа Мутаваккиля, этого “арабского Нерона”, однако встретил решительный отпор и в бою был наголову разбит отрядами армянских нахараров во главе с Багаратом Багратуни. Он спасся лишь благодаря своей жене, дочери князя Багарата. Потерпевшего поражение араба Мусэ заменил в 851 году Юсуф ибн Абусет, который занял всю южную Армению, кроме Хойта, коварно схватил князя Багарата Багратуни и в цепях отправил его к халифу. Сыновья Багарата – Ашот и Давид спаслись, найдя надежное пристанище среди горцев Хойта. Хойтцы под предводительством владетеля Хойта Овнана, сына Торника, брата Багарата Багратуни (= Хутеци Овнан), который быстро сколотил отряд и вооружил его, обрушились на арабов, разбили наголову их, Юсуфа убили и, освободив пленных и заключенных, захватили всю добычу.

На восставших был послан полководец Буга Старший (эл-Кабир) с многочисленными отрядами тюркских наемников и арабов. Они ворвались в область Тарона, схватили главарей восстания и сородичей князя князей Багарата Багратуни, в их числе и сыновей его Ашота и Давида, а сами развернулись вслед за восставшими по всей области, по горам и ущельям, всюду предавая мечу жителей страны, а оставшихся в живых гнали в плен...

Вместе с княжичами Багратуни, сыновьями князя Багарата был захвачен в плен и Овнан, сын Торника, брата князя Багарата (= “Овнан с горы Хойт”), организатор восстания. Овнана увезли, посадили в цепях в царскую тюрьму в Багдаде, где халиф приказал обезглавить его.

Выше мы имели возможность рассмотреть отражение образа некоторых исторических деятелей в армянском народном эпосе. Мы охарактеризовали роль крупных государственных и военно-политических деятелей, какими являются князя Мушег Мамиконян, как собирательное имя армянских полко-

водцев, и Теодорос Рштуни, не только в исторической реальности, но и в армянском эпосе, совпадали не только их деяния в эпическом отображении, но и их имена.

Попытаемся теперь обосновать эпическое отображение исторической деятельности некоторых других лиц, игравших видную роль в жизни и эпосе. К таким героям относится и Дзенев Ован-Овнан-Оган в эпосе. Кем является он и какую деятельность развил в эпосе?

Дзенев Ован (Овнан, Оган) в большей части эпических сказов выступает как дядя Давида, брат Мгера Старшего, но имеются и такие сказы, где он старший брат Давида (см. “Сасна црер”, том II, сказы XVI, XVII, XVIII, XX, XXI и др.) или двоюродный брат Мгера Старшего, сын Багдасара (том I, сказ XIX, том II, сказ XIII), или сын двоюродного брата Давида (том I, сказ XXII), или же кери Давида, дядя по материнской линии (см. том II, сказы X, XII, XIV и XV) и т.д. Как бы не отличались родственные связи Дзенев Ована с Давидом, тем не менее он для Давида самый близкий человек, который выступает в качестве опекуна, советника, соратника и союзника; по образному выражению эпоса, он “херахут хорохпер”, то есть дядя, от которого слышится отцовский дух (запах).

Дзенев Ован по велению Мгера Старшего берет на себя обязанности “отца”, опекуна, заботится о сироте Давиде, как о родном сыне; он же отводит или посылает, по воле Мгера, малютку Давида к матери Мсрамелика (Исмиль ханум и др.), чтобы она вскормила, растила его. А как окружает Давида заботой, лаской, когда он возвращается на родину, в Сасун, как он защищает его от нападков разгневанных родителей всех сверстников Давида за детские шалости его и уговаривает их определить его пастушком! Дзенев Ован силится оградить Давида от Мсрамелика, от всего, что может вызвать гнев последнего и послужить поводом для уничтожения еще неокрепшего отрока. С болью в сердце Ован показывает отроку Давиду могилу отца, с радостью исполняет волю Давида, воздвигая храм Всевышней Аствацацин Марута, хочет отдалить его от акта сдачи золота сборщикам дани, но Давид отстаивает народное добро и карает сборщиков дани. Заботой и сердечной любовью преисполнены его советы о Молочном источнике и Железном (Стальном) столбе...

Сердобольность и озабоченность в особенности возрастает в те дни, когда юный Давид идет на Мсрамелика. Не спится Дзенев Овану, он часто выбегает во двор, на крышу, чтоб по звездам угадать состояние Давида... И видя тускнеющую звезду Давида, он требует, чтобы жена зажгла светильник и вывела коня, а когда она медлит, он ударяет ее ногой и ругается. Вот он оседлал коня, сел и, подобно ветру, помчался в лагерь Мсрамелика, чтобы зычным голосом предупредить Давида, посоветовать ему, прямодушному отроку, провалившемуся в глубокую яму, вырытую по велению коварного Мсрамелика, взмолиться ко Всевышней Аствацацин Марута и выпрыгнуть из ямы. Подобным кли-

чем он неоднократно спасал как Давида, так и Мгера Младшего, оказавшихся либо в глубоких ямах, либо в темницах, или вызволял их из вражеской страны, прося вернуться на родину, где “лютые вороны” (“черные вороны” – по русским былинам) со всех сторон налетают на них.

Мало того, Дзенев Ован не раз вместе с Давидом истребляет вражеское войско, т.е. он содействует Давиду не только советами и зычным голосом, но и оказывает ему действенную помощь с оружием в руках.

Во многих сказах Дзенев Ован представлен с первого взгляда не с привлекательной стороны; скорее всего он отрицательный тип – большой трус, скупердяй, себялюбец, думающий лишь о личном благе и покое. Такое понимание образа считаем превратным. Если Дзенев Ован в чем-либо отказывал Давиду, старался его держать вдали от опасных дел, если он с тяжелым, тревожным сердцем отдал Давиду доспехи отца, то это лишь потому, что он боялся подвергнуть неопытного, неискушенного отрока смертельной опасности. Стоит здесь вспомнить как он ликовал, когда “цур” – “шальной” Давид вернулся в отчий дом, как он приветствовал его – “светильника армян” – и благодарил бога за такую милость! Разве можно забыть душевную радость, экстатические переживания Дзенев Ована при виде того, как Давид из тяжелого сундука достал богатырские доспехи Мгера Старшего и натянул его лук, или седлая Куркик Джалали, так затянул подпругу, что поднял коня на обе ноги?!...

Кто же этот Дзенев Ован? Имеется ли прототип, первообраз его в армянской исторической реальности?

В армянской фольклористике с конца прошлого столетия установилось мнение, что эпический образ Дзенев Ована является отображением исторического Ована из Хойта – Овнана Хутеци, по выражению историка Т. Арцруни, Овнана “с гор Хойта”, напавшего во главе отряда горцев Хойта, разбившего арабов, убившего арабского правителя – сборщика дани Юсуфа, сына Абусета и освободившего пленных, в том числе Ашота и Давида, сыновей князя Багарата Багратуни. Кто же этот Овнан? История умалчивает об этом. “Несомненно, он не был простым человеком, напавшим во главе сасунцев на Юсуфа и оказавшим сопротивление Буге. Если бы он был даже простым (т.е. по происхождению.– *К. М.-О.*) человеком, то это был человек с голосом, т.е. с его голосом считались. В этом же смысле к имени Овнан был присоединен эпитет Дзенев, каковой в духе народного эпоса был воспринят в физическом смысле”. (*М. Абебян*. Армянский народный эпос. Тифлис, 1908, с. 83, на арм. языке). Эти слова Абебяна позднее были подхвачены некоторыми фольклористами, объявившими Овнана Хутеци вождем крестьянского происхождения.

При этих словах, видимо, память изменила маститому ученому, ибо тот же историк–современник Товма Арцруни недвусмысленно в другом месте своей “Истории” говорит, что Овнан “сын Торника из рода Багратуни”, т.е. из рода могущественных князей Армении. Это свидетельство Т. Арцруни подтверж-

дается и данными ал-Якуби о том, что Овнан (Юнан) князь Хойта, сын Торника, брат Багарата Багратуни, а по Табари, Овнан сын брата князя Багарата Багратуни (“Сасна црер”, т. I, Предисловие, с. 15-17, а также примечания; с. 298, 495-496 и в др. мест.). Овнан был схвачен полководцем Бугой ал-Кабир, отправлен в кандалах в Сурра-мин-рай, где он не отрекся от веры и был обезглавлен.

Данные истории о князе Овнane, за исключением казни исторического деятеля, вполне совпадают с данными о Дзенoв Оване (Огане). Он двоюродный брат Давида по отцу, как в некоторых сказах эпoса. В других сказах он – Дзенoв Ован – выступает как родной брат Давида, но постарше его, или как дядя вместо двоюродного брата. Это объясняется просто. По сей день в армянских селах, если двоюродный брат старше на лет десять и больше, то его зовут дядей (апо/зват. п.), апа, апи и т.д. Видимо, Овнан, сын Торника, был старше Ашота и Давида, сыновей Багарата. Да это вполне вероятно, ибо будь Овнан моложе своих весьма молодых двоюродных братьев, едва ли он сумел бы организовать это нападение горцев Хойта и разгромить арабское войско. Овнан должен был быть более опытным, уравновешенным, стойким, волевым, чтобы претерпеть все истязания в халифской тюрьме, не отречься от религии отцов и подвергнуться казни.

Характерно, что юный Давид с помощью Дзенoв Ована на могиле отца строит, а после разрушения Кузбадином снова восстанавливает храм Всевышней Аствацацин Марута, расположенный на горе Маратук (Марута) в Хойте, владении Овнана, сына Торника Багратуни. Эпизоды, связанные со строительством, разрушением и восстановлением этого святилища сасунцев, одни из самых красочных и эмоциональных в армянском эпoсе. У нас имеются и другие эпизоды-совпадения, доказывающие тождество эпического Дзенoв Ована с историческим Овнаном, но думается, достаточно и вышеприведенного, чтобы отвести упреки в чрезмерном историзировании армянского героического эпoса.

Перейдем теперь к Давиду Сасунци, главному герою армянского народного эпoса.

В образе Давида Сасунци сохранилось воспоминание об одном из активных участников восстания таронских и сасунских армян против Багдадского халифата и их политики жесткого взимания и сбора все увеличивающихся податей и налогов. Из национальных и иностранных письменных источников известно, что Давид и его старший брат Ашот (по другим источникам их было три брата – имя третьего было Соломон – и одна сестра) приняли активное участие в борьбе их отца князя князей Багарата Багратуни против арабских сборщиков дани. Известно также, что Давид вместе со своим братом Ашотом (или братьями) и двоюродным братом Овнаном, сыном Торника Багратуни (Дзенoв Ован) и отрядом сасунцев напали на начальников сборщиков дани

арабского правителя Юсуфа ибн Абусета, разгромили арабский отряд и убили его. Также известно, что Давид и его братья вместе с другими князьями были схвачены, и Буга ал-Кабир отправил их в резиденцию халифа. Это пленение также нашло свое отражение в народном эпосе, но не как однократный акт взятия Давида в плен, а как многократно повторяющееся мероприятие, чтобы лишить его, Давида, свободы действия. Эпический Давид со дня рождения и до конца жизни Мсрамелика (Багдадского халифа) должен находиться в повиновении у этого последнего. Так, грудного младенца Давида, по воле отца, Мгера Старшего, посылают к матери Мсрамелика, чтобы она вскормила, растила его; или Мсрамелик по смерти Мгера забирает всех детей его к себе, и спустя много времени, когда Кери Торос едет за детьми, Мсрамелик соглашается отпустить их, если они пройдут под его мечом, т. е. будут всегда повиноваться ему; или перед боем, приглашая Давида к себе в шатер, Мсрамелик сажает его на ковер, под которым заблаговременно он велел вырыть глубокую яму, и Давид падает в яму, т. е. бросает его в темницу, откуда его зычным кликом вызволил Дзенев Ован (ту же функцию выполнял Дзенев Ован, соответственно своему эпитету, и в освобождении Мгера Младшего из темницы деда (отца матери), не желавшего его отпустить в Сасун). Нахождение в доме врага, содержание героя в глубокой яме или в темном погребе на эпическом языке равносильно пленению, мифологически – смерти (светлый герой в утробе зверя, дива, вишапа, а выход его из утробы – воскресению, возрождению). Во всех этих случаях Давида и Мгера Младшего спасают Кери Торос и Дзенев Ован.

Приняв ислам и освободившись из плена, братья Ашот и Давид, сыновья князя Багарата Багратуни, возвращаются на родину. Здесь старший брат Ашот, по феодальному праву, наследует, вероятно, в 868 г., отцовский трон князя князей Тарона и Сасуна и княжит вплоть до 885/6 г.

Точно так же поступают эпические братья Давида, вернувшись из Мсыра; на отцовский трон сперва садится Вего, Цран Вего (исторический Ашот), старший брат Давида.

Исторический Давид женился на Мариам, сестре могущественного князя Дереника Арцруни. Да и это бракосочетание имеет свое отображение в эпосе. Ведь Хандут ханум, жена Давида, по некоторым сказам дочь Капуткохского царя, а Мариам (Хорот Марен – красавица Марен (по эпосу), ласкательная форма имени Мариам) в эпосе упоминается, как мать Давида (т. I, ск. XXII).

Исторический тесть Давида князь Дереник Арцруни в 885 г. лишил власти Ашота и в 887/888 г. на трон посадил его младшего брата, своего зятя Давида, правившего княжеством до самой своей смерти в 894/5 г. В 886/7 г. княжеский трон в Сасуне захватил Ахмат ибн Иса ибн аш-Шейх.

Эта распря, вспыхнувшая из-за трона между родными братьями Ашотом и Давидом, сыновьями князя Багарата, также нашла отображение в народном

эпосе. По эпосу старший брат Виген (Ашот) враждебно относится к Давиду и не уступает ему трона, между тем как симпатия Дзенов Ована и Кери Тороса на стороне Давида, и они содействуют Давиду занять отцовский трон.

Армянские историки весьма скупо повествуют о деятельности Давида и о причинах его смерти, несмотря на то, что он один из главных героев такого крупного события, как восстание против арабских сборщиков дани, против арабского владычества. Не объясняется ли это тем обстоятельством, что Давид, по сведениям этих историков, вместе с другими князьями отрекся от религии отцов, от эмблемы христианства – креста и принял ислам? Это обстоятельство несомненно имеет колоссальное значение в глазах историков, представляющих армянское высшее духовенство (вардапет, епископ, католикос), если даже они говорят о таком видном деятеле, которого по их же данным еще задолго до восстановления ширакскими князьями Багратуни царского трона в Армении, величали титулом “арка” (царь) или “аркаик” (царек).

На этот вопрос имеется иносказательный, в то же время обстоятельный ответ в народном эпосе. То, что умалчивается в письменных источниках, это самое ярко развивается в устах народа, в его гениальном произведении.

Отречение от веры отцов, равносильное ложной клятве или клятвонарушению, а это последнее – великое преступление, порождающее гибель, смерть для нарушителя клятвы. Дающий клятву обычно подкрепляет свой обет упоминанием самого священного или любимого существа или предмета верования. Это – священная клятва. Формула клятвы сасунских цуров такова:

“Помяну я – хлеб и вино,
Господь сущий,
Всевышнюю Аствацацин Марута,
Святой Ншан* на деснице Давида”.

При такой клятве герой становится несильным, сокрушает все, а нарушение ее ведет к крайнему физическому и нравственному ослаблению.

Тесть Давида Вачо-Марджо требует, чтобы он (Давид) поклялся своим Ншаном не проливать крови. Давид вышел из дома, св. Ншан переместил справа налево, пришел к тестю и поклялся;

“Пусть этот святой Ншан поссорится со мною,
Если я когда-нибудь кровь пролью!”
Святой Ншан не остался за пазухой слева,
Соскользнул, пришел на место свое справа.
Как приложился рукой Давид к св. Ншану,

* Ншан-Крест, Хач, часто – Хач Патрацин или Хач Патарацин, Патарагин, или Патеразмин (Хач Патеразмин переводят “Ратный крест”).

Как поклялся он святым Ншаном,
Он совсем ослабел”.

Давид уже не в силах был совершить подвиги:

“Стал он словно хворый человек,
Раз в день из Сасуна спускался он,
Приезжал на Меграгет, купался –
И снова домой возвращался”.

Как узнали об этом “язычники”, подослали богатырку Джимджими Султан, которая нанесла ему во время купанья в реке смертельный удар. Давид, этот всеильный герой-народолюбец, всю жизнь подвизался на благо человечества, а кончил ее как нарушитель клятвы...

Можно указать еще ряд совпадений, но мы ограничиваемся и вышеприведенным, исходя из того факта, что об историческом Давиде мало что повествуется в исторических письменных источниках. Необходимо изыскать новые источники сведений о Давиде и его эпохе в византийской и арабской письменности. Все же, несмотря на скудность письменных сведений о нем, он своей деятельностью, а может и героическими подвигами пользовался такой славой, что еще при жизни удостоился чести быть предметом воспевания народа, народными массами был прозван “царем Давидом” или просто “царем” или “царьком”, при этом под этими словами разумели лишь его, а не остальных князей Багратуни (историк Товма Арцруни); иностранцы, в их числе византийский историк-император Константин Багрянородный в своем известном труде (“*De administrande imperio*”, сар. 43-й, с. 182 и сл.) называет его не только “царем”, но и пользуется армянским термином в ласкательной форме аркаіка шрршјղ – царек.*

Армянский народный эпос и в этом аспекте сохранил живое воспоминание о Давиде Аркаике. В некоторых сказах эпоса Давид после победы над Мсрамеликом был коронован и воссел на отчий трон, а в других – на мсырский престол. После коронации в Сасуне царь Давид даже справляет “карасунк”, у ворот дворца ставит стражу – двух богатырей Какана и Аслана (см. сказ Маргарит Саргсян).

В некоторых сказах (т. II, ск. IX и X) его называют “великим шахом Давидом”, в других – как царь “весьма могучий, весьма милостивый, весьма любящий народ” (т. II, ск. XV).

Это свидетельство историков Т. Арцруни и Константина Багрянородного, подкрепленное данными армянского народного эпоса, достойно особого внимания по следующим соображениям.

* Точно так величает он титулом “аркаика” и сына Давида “аркаика”.

Как известно, в 30-х гг. IX в. так созрела в армянском обществе идея создания независимого государства, что католикос Захария I Дзагеци (855-876), используя свой патриарший сан и положение, стремился договориться с армянскими феодалами и с их согласия венчать князя князей Ашота Багратуни на царство Армении. Однако смерть католикоса послужила помехой осуществлению этого начинания. Несмотря на это, в пределах великого княжества Багратуни – в Тароне и Шираке, вместе с официальным титулом “князь князей” употребляется также титул “царь” - թսղսղնր, (“таговор”, или шррш “арка”). Так, например, в лапидарной дарственной надписи на Севане от 874 г. княгиня Сюника называет вышеупомянутого князя Ашота “царем”. Об этой дарственной надписи пишет и историк Степанос Орбелян, который в своей “Истории Сюника”, говоря о той же надписи, величает сюникскую княгиню “великой царицей”, а Ашота Багратуни – его официальным титулом “князь князей”.

В 1950 г. во время раскопок крепости Гарни проф. доктор Б. Н. Аракелян открыл хачкар с надписью (879 г.), в которой княгиня Катранидэ Багратуни (вероятно, жена князя Ашота Багратуни) величает себя “царицей”^{***}.

О чем говорят вышеприведенные письменные источники? Нам думается, что они отражают отголоски той борьбы, которая велась для восстановления независимости страны, возглавляемой суверенным царем. Официальная общественно-политическая борьба велась главой армянской церкви, католикосом Закарией, а задолго до него сасунцы и таронцы, возглавляемые князьями Багратуни, подняв восстание против арабов, фактически свергли иго халифата и провозгласили князя Давида Багратуни “царем”, арка или аркаик (Давид аркаик или арка). Правда, восстание было жестоко подавлено, Давид и другие князья Багратуни угнаны в плен, где часть приняла ислам, в том числе и Давид, а другая, не отступая от веры отцов, была казнена. Однако вскоре ренегаты вернулись на родину и заняли свои владения, быть может и должности, а царский титул “арка” и “аркаик” остался за Давидом. Халиф сменил свою жестокую политику в отношении армян, назначив правителем Армении Ала ибн Яхия ал Армани (армянина, принявшего ислам).

В армянской историографии годом провозглашения независимости Багратуни считается 886/7 г.

Но эти годы не следует считать датой основания независимого царства, которое de facto уже существовало и было основано в дни восстания против халифата (850-52 гг.), а лишь датой международного признания его de jure, ког-

* К а р о К а ф а д а р я н. Изначальные виды армянского письма. Ереван, 1939, с. 68, 88 (на арм.яз.).

** Фотоснимок надписи любезно предоставил нам проф. Б. Аракелян, за что приношу ему сердечную благодарность.

да царь Ашот Багратуни получил царские короны от Багдадского халифа и от Византийского императора.

Как видим, и здесь армянский народный эпос “Сасна црер” полностью подтверждает и уточняет историческое свидетельство армянских и иностранных письменных источников.

Не желая обременять внимание уважаемых слушателей сопоставлениями других героев с историческими деятелями армянского средневекового общества (до XIII века), мы просим интересующихся обратиться к нашему очерку об Армянском эпосе и к комментариям, приобщенным к русскому переводу армянского народного эпоса “Сасна црер”.⁴ Здесь нам хотелось бы остановиться из многих эпических эпизодов лишь на двух, полностью совпадающих с историческими событиями.

В армянском эпосе, как известно, Мсрамелик (Багдадский халиф) требует дани в следующих размерах:

“Сорок яловых овечек требую,
Сорок нетельных телушек требую,
Сорок верблюжих вьюков золота требую,
Сорок низких женщин требую – жернова крутить,
Сорок рослых женщин требую – верблюдов грузить,
Сорок красивых девиц требую – нам в дар...”*

Как видим, в список предметов, подлежащих обложению, входят помимо золота, серебра, зерна, скота и т.д. и женщины “рослые, низкие и девицы-красавицы”.

В армянских письменных источниках нет этой статьи дохода, взимаемого халифом. По этим источникам женщин – преимущественно красивых девиц – брали в плен вместе с мужчинами для обращения их в ислам или продажи на рынках работорговли. Между тем арабские исторические источники подтверждают это “свидетельство” армянского эпоса. Так, например, арабский историк Баладзори (Абул – Аббас Ахмед ибн Яхья ибн Джабир ал-Баладзори, ум. 279 (892 г.) в своей “Книге завоевания стран” говорит, что арабский полководец в области лаков (лакзов) заключил мирный договор, по которому “владелец престола” (потерпевшей поражение страны.– *К. М.-О.*) обязался поставлять (наместнику халифа) ежегодно тысячу пятьсот юношей и пятьсот девиц черноволосых, чернобровых и с длинными ресницами и привозить в зернохранилище Баба сто тысяч мер... зерна” (*Баладзори. Книга завоевания*

⁴ Данный очерк, указанным автором, был опубликован лишь в 2006 г. отдельной книжкой под заглавием: *К. М е л и к - О г а н д ж а н я н. Армянская народная эпическая поэзия. Краткий исторический очерк, Ереван, 2006.*

* Этот список объектов дани меняется по сказам; число “сорок” – мифическое.

стран, текст и перевод с араб. П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 18, перевод арабского текста 14).

Такой же данью облагают и другие завоеванные страны. Система одна, но размер дани меняется соответственно платежеспособности и числу населения.

Приведем еще один пример, сопоставляя свидетельства эпоса и того же арабского историка Баладзори.

Как известно в ветви Давида коллизия между Сасуном и Мсыром начинает усиливаться с эпизода нападения на монастырь Всевышней Аствацацин (Богородицы) Марута, истребления “обитателей его”, т. е. монахов, ограбления и разрушения монастыря, а затем ответного истребления грабителей мстителем Давидом.

Этот эпизод повествуется и в “Книге” Баладзори и, прибавим, довольно объективно. В тексте Баладзори имеются налицо два искажения географических названий, возможно, по вине переписчиков. По арабскому тексту областной начальник отправился в почитаемый всеми армянами богатый монастырь в Сисаджане, “захватил все, что там было и оскорбил его обитателей (разумеются монахи.– К. М.-О.) – этим он вызвал крайнее возмущение и возбуждение среди батриков... Они же подстрекали хуитов (Хуйт-Хойт)... известных под названием Артан... напали на него (Юсуфа) в Таруне..., убили его и захватили все, что было в его лагере” (*Баладзори. У.с.*, с. 21-22).

Здесь искажены следующие географические названия: Сисаджан, Артан и название монастыря Актах. Искаженные имена правильно восстановил крупный немецкий арменист проф. Иоз[еф] Маркварт, исходя из текстологического анализа и по соображениям графического характера.

Событие происходит в юго-западной Армении, в Тароне, т.е. в области, подвластной князю князей Багарату Багратуни, а арабский начальник напал на монастырь Актах в Сисаджане, т.е. в северо-восточной Армении, в Сюнике или Парисосе и этим самым возбудил, возмутил горцев Хойта, под названием Артан, в той же области князя Багратуни, в Тарон-Сасуне, а они, спустившись с гор, убили Юсуфа. Эта несурзанность была устранена проф. Иоз[ефом] Марквартом путем восстановления названия области Сасун-Санасун вместо Сисаджан, что и географически и по смыслу текста вполне приемлемо.

Таким образом, восстановлено название области Санасун-Сасун, в которую входил и Хойт. В Хойте же находится гора Марата (или Марута), или Маратук, Маратан – местные диалектические формы того же имени с почитаемым во всей южной Армении, особенно в Сасуне, монастырем – Всевышней Марута Аствацацин (Богородица). Проф. Иоз. Маркварт и здесь весьма справедливо предлагает восстановить название монастыря и населения, во-первых, отождествить Актах и Артан, а последнее исправить – Маратан, Марата, Марута.

Восстановив эти названия, мы тем самым восстановим и нейтральное содержание текста Баладзори, что полностью соответствует эпизоду народного эпоса “Сасна црер”.

Разрешите мне ограничиться лишь вышеприведенными сопоставлениями. О чем же говорят факты совпадения исторических событий и эпического преломления их? Ответ один. Эпос, как памятник духовной культуры народа, своевременно откликнулся на общественно-политическое событие, происшедшее в жизни армянского народа, но воспроизвел его в творческом преломлении народа-сказителя. Раз “свидетельство” эпоса является результатом творческой обработки, оно никак не может рассматриваться, как первостепенный источник политической истории, а эпос в целом может быть использован лишь как побочный источник исторического исследования, дополняющий или подтверждающий данные исторических свидетельств. Однако наряду с историческими событиями в эпосе превалируют художественный вымысел, вопросы, связанные с сюжетом, изобразительными средствами, отображением действительности, со средой сказителя-народа, его бытием и сознанием и т. д., которые характерны для памятников художественного творчества. При наличии всего этого эпос уже становится объектом исследования литературоведов, историков литературы и фольклористов, социологов и этнографов и т. д., применяющих свои особые методы и приемы при изучении его по специальности.